

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-274-277

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «И. А. БУНИН И ЕГО ВРЕМЯ»*

Осенью 2020 года в разных городах России широко отмечался 150-летний юбилей И. А. Бунина (1870–1953). Научные конференции и выставки прошли в Новосибирске, Ельце, Орле, Воронеже, Москве и Петербурге. Конференции в ИМЛИ и ИРЛИ продолжали друг друга. Круг проблем, обсуждавшихся на четырехдневной (20–23 октября) конференции в ИМЛИ, представлен на сайте «Академический Бунин» (<http://ivbunin.ru/nauka/konferenczii>). Конференция, проходившая 28–29 октября в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, была более камерной по охвату тем и числу докладчиков, но ничуть не менее представительной и значительной по своему содержанию. В ней приняли участие ученые из России, Италии, Франции, Украины, Германии, США, Австрии, Китая. Их доклады были распределены по тематическим заседаниям. В связи с пандемией конференция проходила в онлайн-формате на платформе zoom и транслировалась в Youtube, где на канале «ИРЛИ РАН Пушкинский Дом» сохранились записи ее заседаний.

С приветственным словом к участникам обратился директор ИРЛИ В. В. Головин, отметивший связь Бунина с пушкинской темой в русской культуре: юбиляра, почетного академика Императорской Академии наук по разряду изящной словесности, чествуют ныне в Пушкинском Доме, учрежденном в составе этой академии в 1905 году.

Первые заседания проходили под общим названием «Литературный путь и поэтика прозы».

В докладе Манфреда Шрубры (Италия) «И. А. Бунина и „Русские записки“» шла речь о том, как и почему не состоялось (за исключением единственной публикации в первом номере) сотрудничество Бунина в журнале и издательстве «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939. № 1–20/21). В основу приведенных сведений легли архивные материалы из фонда секретаря журнала М. В. Вишняка в Гуверовском институте (Стэнфорд), в частности его переписка с издателем М. Н. Павловским и с редактором П. Н. Милюковым (т. е., в сущности, внутриредакционная переписка журнала и издательства «Русские записки») объемом в несколько сот писем. Прозвучали многочисленные цитаты из писем, передающие содержание разговоров Вишняка с Буниным, с ярко выраженными оценочными элементами.

Доклад Эльды Гаретто (Италия) был посвящен полемике И. А. Бунина с Дельфино Чинелли (D. Cinelli) и его книгой «Tolstoi» (Milano, 1934). В «Освобождении Толстого» Бунин, ссылаясь на статью А. В. Амфитеатрова о книге Чинелли (Возрождение. 1935. 21 нояб.), полемизирует с толкованием образа писателя, где подчеркиваются и повторяются, по мнению Бунина, «те злые и упорные мнения о Толстом, на которых основана вражда и даже ненависть к нему очень большого числа людей». В ходе выступления был обозначен и уточнен контекст этой полемики на материале переписки Бунина и Амфитеатрова, общего содержания книги Чинелли и ее рецензии в итальянской литературной среде.

Андреа Мейер-Фраатц (Германия) выступила с докладом «О цикличности „путевых поэм“ И. А. Бунина „Тень Птицы“». В Полном собрании сочинений Бунина 1915 года они были напечатаны под заглавием «Храм Солнца» и изменили свое название уже в эмигрантские годы. «Путевые поэмы» Бунина представляют собой пример «словесного искусства» в понимании О. Ханзена-Лёве и, соотношенные друг с другом по принципу функционально-семантической эквивалентности в смысле поэтической функции Р. Якобсона, могут рассматриваться с точки зрения теории лирического цикла. Такой анализ показывает, что циклическим построением создается вторичное значение, превосходящее значения отдельных текстов, а всеобъемлющее многообразие культур и религий выливается, в конце концов, в признание преданности лишь одной из них, христианской. Вопрос о сознательности использования этой стратегии автором остается открытым.

В центре внимания К. В. Анисимова (Красноярск) оказалась бунинская модификация феномена классической поэтики — иерархической парности произведений, одно из которых предшествует другому, являясь его предварительным художественным «конспектом». Доклад назывался «Неожиданная парность: „Грамматика любви“ и „Господин из Сан-Франциско“». К вопросу о повествовательной вариативности прозы И. Бунина и был основан на сравнительном анализе указанных рассказов (от переключек в датировках текстов, внутреннем «календаре» повествований до совпадений персонажных систем), за несхожестью «планов содержания» которых кроется родство фабул и конструктивных приемов.

В докладе А. В. Бакунцева (Москва) «Ключ к рассказу И. А. Бунина „Чистый понедельник“», содержащем критику высказанных до сих пор интерпретаций этого произведения, было обращено внимание на высказы-

* Хроника подготовлена при поддержке гранта Российского государственного научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

вание Бунина, зафиксированное в дневнике В. Н. Буниной в январе 1919 года: «Религия, как и поэзия, должна идти от земли <...>. В религии необходимо, познав плоть, отрешиться от нее». Именно эта мысль, по мнению исследователя, легла в основу «Чистого понедельника» (как и «Освобождения Толстого»), она определяет логику и поведение героини бунинского рассказа.

Следующие доклады прозвучали на заседании «Текстология».

Д. Д. Николаев (Москва) обратился к раннему творчеству писателя и выступил с сообщением «Рассказ И. А. Бунина „Кастрюк“: поэтика и история текста». Сопоставив рассказ с другими произведениями первой половины 1890-х годов, исследователь показал отличия главного героя рассказа от других образов стариков у Бунина, а также отметил важность его сюжетной функции как связующего персонажа. Анализ истории текста — от журнальной публикации 1895 года к Полному собранию сочинений 1915 года — продемонстрировал, что изменения, которые Бунин вносил в каждый новый вариант произведения, имели системный характер и были связаны с желанием автора подчеркнуть выделенные в докладе особенности поэтики рассказа.

Выступление С. Н. Морозова (Москва) «Рассказ И. А. Бунина „Сын“. К истории текста» было посвящено редкому в творчестве писателя произведению, построенному на иностранном материале. Творческая история этого рассказа, написанного в 1916 году, длилась 20 лет, на протяжении которых Бунин, не меняя текст кардинально, пристально работал над психологическими портретами главных героев. Исследователем был дан анализ всех шести прижизненных публикаций рассказа и позднейшей правки его последней публикации Буниным в пятом томе Собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935), а также приведен обзор критических откликов.

На архивном материале, который вскоре должен быть опубликован во второй книге Бунинского тома в серии «Литературное наследство» (т. 110), построил свой доклад «Записные книжки И. А. Бунина. Особенности текста и проблемы публикации» Е. Р. Пономарев (Санкт-Петербург, Москва). Десять записных книжек 1940-х годов, сохранившихся в архиве Бунина (Русский архив в Лидсе), он предложил разделить на три группы в зависимости от видов (и этапов) предварительной писательской работы, и классифицировать по типам авторских высказываний. Многие фрагменты из записных книжек соотносятся с художественными набросками и могут рассматриваться в контексте творческой лаборатории писателя. Кроме того, они служат важным источником сведений о круге чтения Бунина, его планах и принципах работы последних лет.

Второй день конференции начался заседанием «Бунин — поэт».

В докладе «„Поэзия не в том...“ И. А. Бунин о „темноте“ поэзии» В. Ю. Даренского

(Украина) на примере стихотворения «В горах» (1916) исследовалась метафора «темноты» поэзии. Отвергая «темноту» поэзии символистов, Бунин отстаивал поэтику, основанную на ясности языка, но утверждал «темноту», относящуюся к сущности поэзии. Заключительная формула стихотворения — «Нет в мире разных душ и времени в нем нет» — говорит о поэтическом, преображенном видении реальности, возникающем при созерцании вечных примет человеческой жизни. В такие моменты поэт смотрит на бытие как бы очами всего человечества, словно наблюдающего себя со стороны.

Т. М. Двинятина (Санкт-Петербург) в докладе «„Что есть поэзия?“ (Заметки к теме «И. Бунин и Е. Баратынский»)» провела ряд параллелей между художественными системами двух поэтов: сходное понимание своей роли в литературном мире, связь творческого акта с воспоминанием, обращенность к родовой памяти, сознание взаимообратимости контрастных состояний души и бытия. После гибели той России, которую он знал, Бунин смог пересоздать свой художественный мир, обретя опору в элегической традиции. Его проза вбирает в себя целый комплекс мотивов и прямых цитат из поэзии Баратынского, чьи «Отрывки из Поэмы „Воспоминания“» (1819) могут быть прочитаны как метаописание бунинского мира эмигрантских лет.

Тема «И. А. Бунин — переводчик А. Мицкевича» была раскрыта в докладе Т. Н. Жужгиной-Аллахвердян (Украина) на материале «Крымских сонетов»: «Аккерманские степи», «Чатырдаг» и «Алушта ночью». Их анализ показал, что Бунин наследовал правила силлаботонического переложения сонета и особенности жанровой интерпретации стихотворений Мицкевича как «путевых заметок», восходящей к П. А. Вяземскому. Сопоставление польского и бунинского текстов обнаруживает двуединый подход к стихотворному переводу: с одной стороны — точность словообраза и приверженность русскому сонетосложению, с другой — свобода самовыражения переводчика через стилистику и эмфатику родного слова.

С неожиданных сторон предстал мир писателя на заседании «Бунин в эмигрантских зеркалах».

Е. Ю. Куликова (Новосибирск) в докладе «И. А. Бунин в повести Бориса Юльского „Белая мазурка“» остановилась на творчестве писателя в период восточной эмиграции (1912–1950?). Наряду с ориентальной линией в нем присутствуют произведения, созданные в русле классической русской литературы и возвращающие читателя в мир старых дворянских усадеб. В повести Юльского «Белая мазурка» (1943) различимы как отсылки к уже написанным рассказам Бунина «Натали», «Таня», «Зойка и Валерия», так и будущие мотивы «Чистого понедельника» (1944). В обыгрывании младшим писателем традиционных мотивов сочетаются преемственность и пародирование, и в итоге создается многослойное нарративное пространство, характерное для модернизма XX века.

В докладе А. Л. Горобец (Австрия) «„Дикий идюль“ и другие пометы: Иван Бунин и Антонин Ладинский в послевоенном эпистолярии» восстанавливалась долгая история взаимоотношений двух писателей, познакомившихся в Париже в 1924 году. Ладинский оставил записки об отношениях Бунина с молодыми русскими литераторами, наблюдал за его работой над корректурами текстов в редакции газеты «Последние новости», был невольным свидетелем его эпистолярного конфликта с М. Осоргиним в период присуждения Нобелевской премии. В 1945 году сотрудник редакции газеты «Советский патриот» и член Союза патриотов Ладинский оказался посредником в организации визита Бунина в советское посольство. Выступление было основано на неопубликованных архивных материалах (дневник Ладинского, переписка, фотографии).

«Хронологический комментарий к „Бунину в халате“ А. Бахраха. Новый вариант издания книги» стал предметом обсуждения в докладе М. С. Шавлинского (Санкт-Петербург). Так как сбивчивость внутренней хронологии воспоминаний Бахраха сочетается с текстологическими изъянами предпринятых до сих пор изданий (1979, 2000, 2005, 2018), то в качестве научного издания был предложен новый вариант, при котором книгу можно прочитать дважды: и как оригинальный текст, построенный на авторской компиляции и внутренней ассоциативно-тематической логике, и согласно объективной хронологической последовательности. Издание может быть похоже на роман Х. Кортасара «Игра в классики» — с двойной нумерацией глав, системой хронологических сносок и критическим комментарием к приводимым Бахрахом данным.

В докладе М. А. Хатямовой (Томск) «И. Бунин и Н. Берберова: сюжет возвращения на родину (к проблеме диалога классика с младоэмигрантами)» отношение Берберовой к Бунину анализировалось на материале ее автобиографии «Курсив мой» и повести «Роканваль: хроника одного замка» (1936), отсылающей к бунинской «Несрочной весне» сюжетом возвращения в прошлое и организацией наррации. В рассказе «Поздний час» (1938) есть и обратное влияние — текстуальный диалог Бунина с «Бьянкурской рукописью» (1930) Берберовой: берберовский топос «позднего часа», одинокого путешествия в город детства, поставленный в рассказе Бунина в сильную позицию, обнажает полемическую интенцию писателя, стремящегося быть услышанным молодыми авторами. Но семантика сюжета возвращения у эстетически и поколенчески разных писателей оказывается различной: поэтическая, утверждающая торжество творческой памяти — у Бунина, и антиутопическая, изживающая центральный эмигрантский миф — у Берберовой.

Проблематика названных в этой части конференции докладов была продолжена на заседании «Бунина в европейском и американском контексте».

Основное внимание в докладе Т. В. Викторовой (Франция) «Пере-вести Бунина. „Безумный художник“ в переводе Мориса Парижанина (1923)» было уделено свидетелю русской революции, переводчику Ленина, сотруднику коммунистических изданий Морису Донзелю (псевд. Парижанин), ставшему в начале 1920-х годов и первым переводчиком Бунина во Франции. Приведенные материалы, хранящиеся в Русском архиве в Лиде и Парижской Национальной библиотеке, говорят о попытках Парижанина перевести Бунина не только на французский язык, но и в другой идеологический лагерь. Но в то же время перевод М. Донзелем «Безумного художника» (вышел в основном Р. Ролланом журнале «Европа» (1923. № 1)) показывает и стремление переводчика пере-вести «контрреволюционного» для его среды Бунина из категории «запретное» в «читаемое», предлагая подняться до Бунина не в меньшей мере, чем сделать его «своим».

В докладе Е. М. Болдыревой (КНР) «Органическая поэтика памяти И. Бунина («Жизнь Арсеньева») и ars memorativa М. Пруста («В поисках утраченного времени»)» рассматривались оппозиции автобиографических моделей и различие мнемонической деятельности автобиографических субъектов Бунина и Пруста. Для Бунина память — инстинктивно-иррациональная сущность, обеспечивающая цельность субъекта и онтологичность реальности его сознания, у Пруста это инструмент, упорная работа с которым позволяет структурировать реальность прошлого и преодолеть болезненное для Пруста (но блаженное для Бунина) состояние эпистемологической неуверенности. В отличие от Пруста, модернистский проект которого эксплицирует многочисленные процессы соотношения реальности и сознания, памяти и творчества, бунинскому автобиографическому дискурсу свойственно слияние жизни и творчества в органической ткани мемориального орнамента.

Еще один ракурс этой проблемы предложила А. Лушенкова-Фосколо (Франция) в докладе «От „эффекта Пруста“ к концепту „писатель как читатель“». Если современники Бунина, обратившие внимание на созвучность некоторых черт «Жизни Арсеньева» с поэтикой романного цикла Марселя Пруста, в первую очередь указали на аналогии, касающиеся концепции памяти, то в перспективе будущих исследований не менее значим и другой концепт. Речь идет о чтении, которое не только играет в данных произведениях роль сквозного мотива, но и лежит в основе структурообразующих черт их поэтики.

Доклад А. А. Долиннина (США, Санкт-Петербург) назывался «Полемические отклики на произведения И. Бунина 1920–1940-х годов в романах В. Набокова» и был сфокусирован прежде всего на «Жизни Арсеньева» и «Даре». Обе книги принадлежат к одному и тому же жанру «вымышленной автобиографии» (определение Ходасевича), причем главным героем

и нарратором в них выступает начинающий писатель. В докладе было высказано предположение, что публикация нескольких глав 5-й книги «Жизни Арсеньева» в № 52 «Современных записок» (май 1933 года) и критические отклики на них дали толчок замыслу «Дара», возникшему у Набокова летом того же года. «Круговая» композиция набоковского романа, как думается, реализовала ту «схему», которая, как ошибочно предположил Ходасевич в своей рецензии, должна была лечь в основу всей книги Бунина. Сам Бунин этой «схемой» не воспользовался и не развил «писательскую» тему соответствующих глав, тогда как Набоков, подхватив и транспонировав ее, построил на ней сложное многоплановое повествование. Вероятно, резко отрицательные оценки «Дара» Буниным можно объяснить тем, что он воспринял роман Набокова как агрессивное «вторжение» на его собственную литературную территорию.

Особое заседание «Бунин и Пушкинский Дом» прошло в конце первого дня конференции.

В основном на архивных материалах докладе А. М. Любомудрова (Санкт-Петербург) «Пушкинодомцы в борьбе за бунинское наследие. К истории отношений литературной диаспоры и метрополии 1960-х годов» были освещены обстоятельства многолетних переговоров о возвращении бунинского наследия в Россию, окончившихся неудачей. Деятельными участниками этих событий стали ученые Пушкинского Дома М. П. Алексеев, П. Н. Ширмаков, Л. Н. Назарова, В. А. Мануйлов. Их переписка с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым, а также с представителями советского правительства и партийного аппарата показывает, сколько сил и энергии они приложили для по-

ложительного решения вопроса. Планировалось создание «Бунинского кабинета» в Пушкинском Доме, где хранилось бы рукописное наследие классика. История, длившаяся почти десять лет, продемонстрировала равнодушие сотрудников ЦК и Союза писателей к наследию идеологически чуждого нобелевского лауреата, неспособность чиновников проявить человеческое внимание и тонкую дипломатию в общении с Леонидом Зуровым.

Как известно, правообладателем бунинского наследия в настоящее время является Фонд Ивана и Веры Буниных при Лидском университете (Великобритания). Пушкинский Дом может гордиться тем, что в его стенах хранится одно из самых значительных в России собраний материалов, связанных с первым русским нобелиатом. Документы, в которых запечатлены жизнь и творчество Бунина, его связи с современниками, присутствуют в Рукописном отделе, Литературном музее и библиотеке ИРЛИ. Это автографы, письма, фотографии, книги с дарственными надписями, мемориальные предметы, принадлежащие разным периодам биографии Бунина, от первых выступлений в печати до последних лет в эмиграции. Все они были специально собраны на онлайн-выставке «Звезда его поэзии восходила медленным и верным путем...», которую представила участникам конференции научный сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ Л. К. Хитрово. Богатство, разнообразие, историческая и научная ценность показанных материалов убедительно подтверждают значение Пушкинского Дома как одного из ведущих центров хранения и изучения наследия Бунина.

© Т. М. Двигатина